

ИСТОРИЯ-ПАМЯТЬ

В разделе представлены воспоминания и размышления коллег, учеников, дочери и сына Л. Е. Кертмана о мире его личности, о той роли, которую сыграло общение с ним в профессиональных и частных судьбах авторов воспоминаний. В исторической ретроспективе рассматривается значение творчества и преподавательского труда Л. Е. Кертмана для развития исторической науки и образования.

Ключевые слова: Л. Е. Кертман, воспоминания, интеллектуал, личность историка, Пермский университет.

Публикуемое письмо Льва Ефимовича Кертмана адресовано Лине Кертман. Оно написано в очень нервные дни, предшествовавшие защите его докторской диссертации, в момент неопределенности и подведения итогов. Не предназначенное для публики, доверительное и откровенное, это письмо – не только доказательство трогательной дружбы отца и дочери. Это и очень честный документ, отражающий психологические коллизии биографии историка, строящего профессиональную судьбу в заданных обстоятельствах и правилах игры. Если будет когда-нибудь написана эмоциональная история советской историографии, то она будет строиться на свидетельствах такого рода.

НЕЗАДОЛГО ДО ЗАЩИТЫ

*Ленинград
17 февраля (1961)*

Линка, дорогая!

Наконец-то я, сидя в тиши гостиницы (опять – после 10 дней в Доме отдыха) могу сосредоточенно подумать о тебе и поделиться с тобой этими самыми раздумьями. Ты, конечно, не ждешь развернутой рецензии на себя. С анализом всех *pro* и *contra*, да я и не собираюсь ее писать (во всяком случае – сейчас). Но мне во время этой поездки пришлось так много думать о некоторых вопросах из общей проблемы «смысла жизни», что невольно те предварительные выводы, к которым я прихожу, примеряются на тебя. Мне ясно при этом, что мои выводы – это *мои* выводы, и было бы смешно примерять на тебя мой пиджак. Но, как показывает мой личный опыт, его можно перешить – и тогда он будет тебе годиться. Так что ты, надеюсь, сумеешь перешить на себя все, что я тебе скажу о себе. А если не сумеешь или не пожелаешь, найдя, быть может, мой пиджак слишком узким, то это будет просто письмо, в котором я хочу с тобой кое-чем поделиться.

Понимаешь, быстро приближается предполагаемый день защиты, к которому я стремлюсь уже столько лет, приближается не слишком гладко, спотыкаясь на поворотах и падая в ухабы, но все же близится. Казалось бы, подводить итоги этой затянувшейся главы моей жизни целесообразно потом, через 2 месяца. Но ведь тогда это будут итоги не слишком объективные, так как они будут неизбежно окрашены либо в победные тона («не зря я... и т.д.»), либо в эгегические ноты: «жизнь – это борьба, падения неизбежны, но стоило ли столько сил тратить...»

Отдавая себе в этом отчет, я стараюсь именно теперь, наряду с повседневными хлопотами и мелкими прогнозами, сделать необходимые умозаключения, закрепить в сознании свой вывод – и не отступать уже от него впоследствии, под влиянием радостей или печалей. Именно теперь, когда у меня шансов *fifty – fifty*, когда очень многое зависит от тысячи случайностей – именно теперь суждение может быть объективным.

И вот первый и самый главный вывод: писать работу, конечно, стоило, потому что сам процесс был часто приятен, а иногда доставлял даже наслаждение, но делать это нужно было не так. Надо было менее лихорадочно думать о практических результатах и, в связи с этим, неизмеримо больше находить радость в самой работе. Ведь нечего скрывать, что чисто карьерные соображения в течение многих лет накладывали отпечаток на все стороны жизни, и в особенности на характер моей работы. Эти периодические штурмы, с бессонными ночами и невероятной спешкой, вытравляли многое из тех радостей, которые можно было почерпнуть в работе как таковой –

радостей открытия, проникновения в глубь вещей, гармоничной логики мысли и даже – удачно найденной формулировки, слова, образа. Всего этого у меня было гораздо меньше, чем могло бы быть, если бы не было постоянной жажды быстрее прорваться к финишу. Это ведь были не те бессонные ночи, когда не ложишься спать потому, что *хочется* еще поработать, получить наслаждение от своего дела. Я знаю и такие ночи – в юности над стихами, потом – над пьесами и лишь изредка – в последние годы. А если учесть, что своей книге я отдал более 10 лет, то нельзя не признать (не без горечи), что я здорово обокрал себя. Это, конечно, не самобичевание, а трезвый вывод. Я ведь знаю свои соображения – и от них не отказываюсь: создать прочную базу для семьи, для тебя, для Герки, может быть, избавить вас в какой-то мере от необходимости делать такие же ошибки. Поэтому я ни о чем не жалею, но и проходить мимо этого вывода тоже не считаю нужным.

И еще одно очень важное соображение. Теперь, когда подходит финиш, я не могу не вспомнить, что в течение многих лет рассуждал так: вот сделаю это, добьюсь... а потом засяду за настоящее дело, которое уже буду выполнять прежде всего в свое удовольствие. Будет ли это роман, или публицистика, или, может быть, новая историческая книга – все равно, буду делать без спешки и непременно с наслаждением. Так я часто думал, да и теперь думаю. Но у меня все чаще закрадывается сомнение. Не в успехе, конечно, в нем я бесспорно сомневаюсь, и даже больше того. Но я говорю сейчас о другом. Ведь независимо от результатов мой мозг в ближайшее время освободится от всего, чем он был занят много лет. Сама понимаешь, в случае удачи – освободится по-одному, а при провале – совсем по-иному. Но ведь это – дело временное. Я хочу сказать, что пройдет и горечь неудачи, и радость успеха, а освобождение ума – останется. И вот тут-то я и боюсь, что эти годы слишком многое во мне высушили, что и так называемая душа поседела так же, как, к сожалению, поседела голова, и я, может быть, уже не смогу писать (что бы это ни было – наука или искусство) так, как мне, в общем, было под силу: хорошо для других и – с наслаждением для себя. Боюсь и много и мучительно думаю сейчас об этом, почти столько же, сколько гадаю, как проголосует NN и не заболит ли Z.

Конечно, оправданны ли мои опасения – покажет только будущее. Понимая, что есть необратимые процессы, я все же надеюсь на лучшее. Но даже сам факт таких опасений дает немало материала для выводов по основному вопросу.

Прости, что я посвятил все письмо только себе, и ничего не написал ни о тебе, ни вообще о других проблемах. Но ведь ты у меня умненькая и все поймешь.

Через дня 3–4 я наконец получу автореферат и уеду в Москву, где, очевидно, задержусь числа до 25-го – 26-го. Так что, если захочешь, можешь написать мне туда. А нет – поговорим лично.

Целую тебя, моя хорошая, а ты уже потрудись передать мои поцелуи маме, Герке и бабушке, а также приветы всем друзьям.

Твой папа